

УДК 343.9.01

DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(4).706-716

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ПОМОЩИ СРЕДОВОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ: ЗАЩИЩАЮЩЕЕ ПРОСТРАНСТВО И ЗАЩИЩЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

А.М. Разогрева*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация***Информация о статье**

Дата поступления

15 марта 2017 г.

Дата принятия в печать

27 ноября 2017 г.

Дата онлайн-размещения

15 декабря 2017 г.

Ключевые слова

Предупреждение преступлений;
защищающее пространство;
защищенное пространство;
ситуационное предупреждение
преступлений; средовое
проектирование; ассамбляж
наблюдения

Аннотация. В данной статье автор анализирует основные теоретические подходы к средовому проектированию, которые в последние 30–40 лет активно используются как элемент системы предупреждения преступности. Один из этих подходов предполагает создание максимально защищенных от внешнего воздействия пространств с тотальной системой видеонаблюдения. Для характеристики этих пространств используются метафоры З. Баумана — «значимые места», «пожирающие места», «не-места». Автор обращает внимание на то обстоятельство, что издержки, связанные с множественным созданием подобных пространств, носят не только финансовый характер: эти места существенным образом снижают интенсивность и изменяют характер человеческой коммуникации. Альтернативная средовая стратегия предупреждения преступлений — создание защищающего пространства — была предложена американским архитектором О. Ньюменом в 60-х гг. XX в. Основная идея состоит в создании и поддержании таких архитектурных решений, которые максимально способствуют поддержанию плотного человеческого общения и формированию локальных общин, которые выступают в качестве основных агентов наблюдения и контроля. Идеи средового проектирования соединены в тексте статьи с анализом основных положений Руководства ООН по основным направлениям предупреждения преступности от 7 сентября 1990 г., в котором в рамках ситуационного и общинного подхода реализованы в том числе идеи защищенного и защищающего пространства. Эффекты видимости, которые достигаются средствами средового проектирования, являются относительно недорогой и удобной в использовании мерой предупреждения преступлений. Применительно к актуальной российской практике использование концепции «защищающего пространства» иллюстрируется случаем, связанным с реконструкцией Центрального парка культуры и отдыха (Москва). В целом различные элементы формального и естественного наблюдения анализируются с помощью концепта их визуальной социологии «ассамбляж наблюдения». В завершение автор рассуждает о перспективах включения в исследовательский потенциал российской криминологии методик средового проектирования предупреждения преступлений и необходимости проведения эмпирических исследований на российском материале.

CRIME PREVENTION THROUGH ENVIRONMENTAL DESIGN: DEFENSIBLE SPACE AND PROTECTED SPACE

Anna M. Razogreeva*Southern Federal University, Rostov-on-Don, the Russian Federation***Article info**

Received

2017 March 15

Accepted

2017 November 27

Available online

2017 December 15

Keywords

Crime prevention; defensible space;
protected space; situational crime

Abstract. The author of the paper analyzes key theoretical approaches to environmental design that have been actively used in the last 30 or 40 years as an element of the crime prevention system. One of the approaches includes the creation of spaces with a total video surveillance system that are maximally protected from external influences. Z. Bauman's metaphors of «meaningful spaces», «devouring spaces» and «non-spaces» are used to characterize them. The author draws attention to the fact that the creation of many such spaces is costly not only in the financial terms: these spaces could considerably reduce the intensity and change the character of human communication. An alternative environmental strategy of crime prevention — defensible space — was offered by American architect O. Newman in 1960s. Its core idea is the creation and support of such architectural solutions that can maximize close human communication and form local communities acting as key agents of surveillance and control. The author combines

© А.М. Разогрева, 2017

prevention; environmental design;
surveillance assemblage

environmental design ideas with the analysis of key clauses from the UN Manual on the Prevention of Crime of September 7, 1990 that, among other things, implements the ideas of defensible and protected space within the framework of situational and community approach. Visibility effects achieved through environmental design are a relatively inexpensive and convenient crime prevention measure. The reconstruction of the Central Park of Culture and Recreation (Moscow) is an example of using the «defensible space» concept in Russian practice. On the whole, different elements of formal and natural observation are analyzed through the visual sociology concept of «surveillance assemblage». In conclusion the author discusses the prospects of integrating environmental design methods in the research agenda of Russian criminology and the necessity of conducting empirical studies in Russia.

Окончание Второй мировой войны — время высокого градуса социального оптимизма. Когда сегодня читаешь самые разные тексты того периода (от больших политических деклараций до частных дневников), складывается удивительное ощущение жизни в предчувствии счастья. Казалось, что возможно все или почти все: вечный мир, всеобщее благоденствие, долгая счастливая жизнь без преступности и эпидемий. Показательно, что эта мечта разделялась по обе стороны океана вне зависимости от политической системы и способа функционирования экономики. Советским представлениям о возможности отмирания преступности по мере ликвидации ее причин соответствовали структуралистские (в духе Роберта Мертона) высказывания о причинах преступности как конфликте между культурно значимыми целями и институционально поддерживаемыми средствами. Кто совершает преступления? «Бедные афроамериканцы», — писали «буржуазные» криминологи (показательно, что набор социально-критически ориентированных англоязычных текстов был переведен и опубликован в издательстве «Прогресс» в 1966 г. в рамках серии «Социология преступности. Современные буржуазные теории» [1]). Почему представители меньшинств (социальные аутсайдеры) совершают большинство преступлений? «Потому что у них нет легальных способов добиться культурно значимых целей», — отвечали те же криминологи. Что нужно делать? Предоставить социальным аутсайдерам возможности получить желаемое законными способами. Отсюда идеи бесплатного (субсидированного) жилья для нуждающихся, университетские квоты для афроамериканцев, социальная реабилитация преступников и тому подобные дорогостоящие мероприятия, под которые была выстроена специальная громоздкая инфраструктура.

Советский проект социальной профилактики преступности был прерван в конце 80-х гг. по внешним по отношению к нему причинам,

поэтому оценить его эффективность представляется достаточно сложным. В англо-американском варианте разочарование в «реабилитационном» идеале стало ощутимым в 70-х гг. прошлого века, когда на фоне больших бюджетных вложений в профилактику наблюдался постоянный рост преступности и стремительно утрачивалось чувство безопасности со стороны населения. О кризисе «реабилитационного идеала» подробно пишет Д. Гарланд [2]. Но, что важно, кризис реабилитационной модели повлек за собой не только «повторное изобретение тюрьмы», но и использование множества альтернативных стратегий предупреждения преступлений, построенных на иных по отношению к реабилитационной модели концептуальных основаниях: смещение фокуса внимания от личности к ситуации, упрощение на уровне стратегических решений представлений о личности как о рационально действующем субъекте, каждый раз осуществляющем, по сути, экономический выбор между возможными выгодами и рисками от совершения преступления. Подробнее на русском языке о возвращении к теории рационального выбора и ее влиянии на англо-американскую уголовную политику в конце XX в. пишет А.Л. Гуринская [3]. Немаловажный фактор в изменении направления усилий в сфере предупреждения преступлений — экономия ресурсов: менеджерский подход к государственному управлению затронул и сектор обеспечения безопасности, включив в него предупреждение преступности как одну из составляющих. На русском языке об этом пишет также А.Л. Гуринская [4, с. 23–25].

Одной из востребованных в практике альтернативных стратегий предупреждения преступлений с 80-х гг. прошлого века стало средовое проектирование — набор ландшафтных, дизайнерских и технологических решений, которые работают на снижение возможности совершения преступления.

Начиналось все с абсолютной неудачи. История Прюитт-Айгоу (Прюитт-Игоу, Pruitt-Igoe) используется в качестве показательного примера во всех случаях, когда речь заходит о крахе концепции «государства всеобщего благоденствия». Прюитт-Айгоу — квартал массовой жилой застройки в Сент-Луисе, штат Миссури: тридцать три 11-этажных многоквартирных дома с общими рекреационными зонами. Разработчиком проекта было архитектурное бюро Lenweber, Yamasaki & Hellmuth, один из соавладельцев которого, Минору Ямасаки, известен как автор проекта Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Журнал Architectural Forum назвал Прюитт-Айгоу лучшим проектом многоквартирного жилища года. Изначально комплекс задумывался как два разделенных по расовому признаку района, но политика десеграции их объединила. Одно из значимых планировочных решений — создание больших по площади пространств общего пользования: коридоры, прачечные, комнаты собраний, галереи. Через несколько лет кварталы аккуратных высотных домов превратились в гетто с разрушающейся инфраструктурой и сверхвысоким уровнем преступности. В 1972 г. городские власти приняли решение о ликвидации комплекса, который полностью был снесен к 1976 г.

Казалось бы, что необычного в этой истории? Очередной сюжет про афроамериканское гетто. Но была одна особенность: в находящемся через дорогу жилым квартале со сходным составом населения Carr Square Village ничего подобного не произошло. В нем, конечно, тоже совершались преступления, но уровень преступности никогда не достигал показателей соседнего района. Именно это соседство поставило перед американским архитектором Оскаром Ньюменом вопрос, характерный для социального исследователя: что обусловило столь существенные различия при сходных социальных характеристиках [5, р. 11]? Будучи архитектором, ответ на свой вопрос он ищет в видимых различиях физической организации среды: этажность, наличие и размер внутренних и внешних публичных пространств. На основании анализа пространственных и архитектурных решений и данных о преступлениях (при сходных социально-демографических характеристиках жителей) у него получилась следующая картинка:

– в жилых домах малой этажности (до трех этажей) количество преступлений на 1 тыс. жителей составило 30,0, средней этажности (до

шести-семи этажей) — 41,0, высокой этажности (до 13–30 этажей) — 68,0;

– из них преступлений, совершенных в самих жилых помещениях (апартаментах), — 12,0, 14,5 и 14,5 соответственно;

– преступлений на придомовой территории — 12,7, 10,0 и 16,2;

– преступлений, совершенных во внутренних публичных пространствах (лифты, коридоры, галереи и пр.), — 5,3, 16,5 и 37,3 [5, р. 13].

Самыми опасными оказались те самые внутренние публичные пространства, которыми отличались высотки в Прюитт-Айгоу. О. Ньюмен использует для объяснения полученных данных концепцию неформального контроля: внешняя по отношению к жилищу среда не была освоена жильцами домов как собственная территория, община, которая должна была функционировать, так и не сложилась, «ничья земля» стала удобным местом для совершения преступлений и жителями домов, и «чужаками» в отношении жителей.

Для того чтобы избежать повторения ситуации Прюитт-Айгоу, Ньюмен предложил пять принципов проектирования пространства, которое он называл защищающим:

1. Адресование различным группам жителей конкретных пространств, которые те в состоянии контролировать и использовать наилучшим образом согласно своему возрасту, образу жизни, особенностям социализации, происхождению, доходу и семейной структуре.

2. Территориальная организация пространства в жилых образованиях, которая отражает зоны влияния конкретных обитателей. Жилая среда должна быть организована сферами, по отношению к которым проживающие поблизости люди смогли бы без труда выработать психологические установки владельцев.

3. Такое взаимное размещение интерьерных и экстерьерных пространств и окон, которое позволило бы жителям естественно наблюдать за внешними территориями и внутренними коммунальными зонами.

4. Такое взаимоположение жилищ — входов в них и примыкающих пространств — с городскими улицами, чтобы распространить на участок улицы влияние жилой среды.

5. Принятие таких архитектурных форм и идиом, которые исключают клеймо непохожести на конкретной группе жителей, дающее повод другим воспринимать ее членов как уязвимых и изолируемых [6; 7, с. 90].

Мой дом, мой подъезд, мой двор, моя улица — примерно в этой логике развивалась ньюменовская перспектива, расширяя сети неформального контроля за пределы частных пространств. О. Ньюмен, по сути дела, предложил технологию увеличения плотности социального взаимодействия за счет особым образом измененного ландшафта. В своей первой и главной книге он писал о расширении защищающего пространства и о переносе принципов его организации за пределы места проживания (дом, квартира, апартаменты) — в общественную среду [8, р. 112]. Этот текст положил начало такому направлению криминологических исследований, как «предотвращение преступности при помощи средового проектирования» — «crime prevention through environmental design»¹.

В книге «Создавая защищающее пространство» 1996 г. О. Ньюмен следующим образом излагает свою концепцию: «Все программы защищающего пространства имеют общую цель: они реструктурируют физическое расположение общин таким образом, чтобы жители могли контролировать пространство вокруг своих домов, включая улицы и площадки за пределами своих зданий, а также вестибюли и коридоры внутри них. Программы помогают людям сохранить те области, в которых они могут реализовать свои общепринятые ценности и образ жизни. Защищающее пространство базируется на самопомощи, а не на вмешательстве правительств, и поэтому оно не разрушается после снижения финансовой поддержки. Оно зависит от вовлеченности жителей в снижение количества преступлений и устранение присутствия преступников. Оно обладает способностью объединять людей различных доходов и расы вместе во взаимовыгодном союзе. Для людей с низким уровнем дохода защищающее пространство может обеспечить введение в преимущества основного потока жизни и возможность увидеть, как их собственные действия могут улучшить мир вокруг них и привести к вертикальной мобильности» [6, р. 9].

Урбанисты и архитекторы в этом месте дополнительно ссылаются на текст американской журналистки и общественного деятеля Джейн Джекобс «Смерть и жизнь больших американ-

ских городов» 1961 г. Первая глава книги открывается параграфом «Использование тротуаров: безопасность»: «Преступность в больших и малых городах, а также в пригородах имеет глубокие и сложные социальные причины. Я не буду подробно рассуждать о них в этой книге. В данный момент скажу только то, что, если нам нужно городское сообщество, способное диагностировать и решать глубокие социальные проблемы, для начала в любом случае нам следует поддержать те работоспособные силы, направленные на повышение уровня безопасности и цивилизованности, что у нас имеются — и в тех районах города, что у нас имеются... Первое, что следует понять: общественное спокойствие больших городов лишь во вторую очередь поддерживается полицией, сколь бы необходимой она ни была. Прежде всего, оно поддерживается сложной, почти не воспринимаемой сознательно сетью контроля и слежения, сотканной самим населением» [9, с. 45].

О. Ньюмен соединяет идею Дж. Джекобс с базовой социологической концепцией контроля [10, с. 68], переводя ее в практическое пространственное измерение.

Невозможно говорить о том, что идея Ньюмена является абсолютно новой для архитектурной практики. В качестве примера жилого массива, созданного по принципам защищающего пространства, можно назвать швейцарские зидлунги — кооперативные рабочие поселки, которые начали строиться в 10–20-х гг. XX в. [11]. Советская архитектура также оказалась чувствительной к возрастающему запросу на комфорт и безопасность: абсолютно каноническим является текст «Жилые кварталы», представивший результаты большого коллективного исследования практик городской застройки и реконструкции середины 80-х гг. прошлого века, в котором к жилой среде предъявлялись такие требования, как освоенность, содержательность и комфортность [12].

Все архитектурные элементы оказывают влияние на поведение людей: они могут поддерживать, способствовать или затруднять различные стереотипы поведения и взаимодействия людей. Обычно конфликт, связанный с использованием пространства (нарушение комфортности), возникает из-за несоответствия планируемого назначения и реального использования элементов окружения [там же, с. 14]².

² В настоящее время это направление активно разрабатывается в рамках когнитивной урбанистики [13–15].

¹ Международная ассоциация исследователей предупреждения преступлений при помощи средового проектирования. URL: <http://www.cpted.net> ; Европейская ассоциация исследователей предупреждения преступлений при помощи средового проектирования. URL: http://www.e_docs.eu.

В определенном смысле советская и постсоветская архитектура работала в сходной с О. Ньюменом исследовательской перспективе. Существенное отличие заключается в том, что архитектурные исследования находятся вне фокуса отечественной криминологии и, соответственно, в российском материале отсутствуют эмпирически подтвержденные эффекты влияния пространственного изменения среды на показатели преступности. При этом в современной России архитектурные приемы создания защищающего пространства широко используются крупными девелоперами в проектах квартального строительства жилья в больших городах. Застройщики продают теперь не только квадратные метры и вид из окна, но и безопасное внутреннее и внешнее пространство³.

Помимо массовой жилой застройки концепция защищающего пространства используется также при создании новых публичных пространств. Наиболее показательным из российских проектов такого рода является реконструкция московского Парка культуры и отдыха им. Горького. На официальном сайте он гордо обозначен как «первый парк мирового уровня в России, пространство для отдыха, спорта, танцев и игр на свежем воздухе»⁴. «У нас есть все, что нужно», — всплывает текст при очередном клике: розетки для зарядки гаджетов, комната матери и ребенка, велодорожки, медпункт, детские площадки, Wi-Fi везде, пандусы, квесты, кинопоказы под открытым небом, лодки и катамараны, огромные сиреневые пуфы на зеленой травке, кафе «Пион», музей современного искусства «Гараж», школа-ясли, образовательные программы и даже собственная газета «Первая парковая». По сути дела, предлагаемое пространство оптимально поддерживает определенные социальные практики, формируя через них «своего посетителя», который опознает и поддерживает пространство парка как собственное.

Этот способ обращения с пространством как рамкой для формирования поведения использовался и для решения конкретных проблем девиантного поведения. Практический вопрос: что делать с ритуальным купанием не вполне трезвых бывших и нынешних десантников 2 августа (День ВДВ) в центральном фонтане парка — был

чрезвычайно элегантно решен именно в этом ключе. Поскольку десантники однозначно не являются типичными посетителями парка, они наряду с арбузами, шариками и мороженым были инсталлированы в пространство нового парка как элемент карнавального декора в один конкретный день года⁵: «Уже в 2011 году впервые главный вход в Парк Горького был оформлен в стилистике ВДВ, также впервые в парке раздали более 2 тонн арбузов. Эту традицию продолжает нынешнее руководство Парка Горького. Сегодня, 2 августа 2012 г., главный вход парка украшают голубые береты и главный лозунг ВДВ «Никто, кроме нас». До 18:00 на балюстраде будет работать 5 бесплатных полевых кухонь, в меню которых — гречневая каша с тушенкой, хлеб, чай и кофе. С утра в парке продолжается и раздача арбузов (всего закуплено 3 тонны). В праздничной программе Дня ВДВ — концерт, запуск 2 000 бело-синих воздушных шаров, а для детей, которые в этот день придут со своими родителями в Парк, организована детская развлекательная программа. Все участники получают призы — значок десантника. Кроме того, детей в этот день будут угощать мороженым «Парк Горького» и раздавать воздушные шарики»⁶.

Нарочито хипстерское пространство парка Горького с роликами и велодорожками само по себе вытесняет чужаков, а если они все же физически оказываются внутри него, происходит их десубъективизация: купающиеся в фонтане десантники существуют в нем не больше, чем деталь зрелища.

Интервенция зоны комфорта (безопасности) за пределы частного дома/квартиры в новые публичные пространства — не единственная стратегия снижения криминальных угроз посредством работы с пространством. Другой путь создания безопасных пространств концептуально иной: вместо интенсификации социальных

³ URL: http://www.atomstroy.net/zhilaya_nedvizhimost/woods-doma-v-parke ; URL: <http://www.sastroy.com/objects/evropeyskybereg> ; URL: <http://4development.ru/press-center/advises/Bezopasnyy-dvor-dlya-vashego-rebenka>.

⁴ URL: <http://park-gorkogo.com>.

⁵ История про десантников в парке Горького — любопытный кейс не только для среднего анализа, но и для иллюстрации одного из любимых тезисов культурных криминологов [16, р. 9] о том, как в постсовременном обществе работает социальное исключение. Если в современном обществе оно производилось по четким формальным показателям (деньги, власть, престиж, по М. Веберу, или доступ к орудиям и средствам производства, по К. Марксу), то сейчас включение/исключение производится по более тонким стилизационным моментам. Принадлежность к милье определяется не количеством денег на счете в банке, а тем, что ты носишь, как ты отдыхаешь, что ешь и читаешь, в какой сети твой аккаунт.

⁶ URL: <https://regnum.ru/news/1557698.html>.

практик безопасность пространства обеспечивается за счет его «стерилизации» с вытеснением и (или) минимизацией человеческого и возрастанием техногенных способов контроля.

Зигмунд Бауман в работе «Текущая современность» подробно рассказывает о некоторых способах обустройства городского пространства таким образом, чтобы страх оставался за его пределами, — «значимые места», «пожирающие места» и «не-места» [17].

Что оказывается «значимым местом» для современного жителя мегаполиса? Мегамоллы — крупные торговые центры со множеством павильонов (как сообщает викисловарь), зачастую с мультиплексом (многозальным кино-театром), фитнес-центром, сетевыми кафе и ресторанами. Бауман описывает их следующим образом: «Это замкнутое само на себя «место без места» в отличие от всех ежедневно занимаемых или проезжаемых мест также является очищенным пространством. Нельзя сказать, что оно очищено от многообразия и различий, которые постоянно угрожают другим местам загрязнением и беспорядком и оставляют чистоту и прозрачность вне досягаемости пользователей; напротив, места для покупок/потребления большей частью своей притягательной силы обязаны красочному, калейдоскопическому разнообразию предлагаемых чувственных впечатлений. Но различия внутри в отличие от различий снаружи неброские, благопристойные, гарантированно безопасные — и поэтому ничем не угрожающие. Ими можно наслаждаться без опасений: как только приключение лишилось риска, осталось лишь чистое, беспримесное и стерильное развлечение. Места для покупок/потребления предлагают то, что не может предоставить никакая «реальная реальность» снаружи: почти совершенное равновесие между свободой и безопасностью» [там же, с. 108].

«Значимые места» одновременно могут быть и «пожирающими» (как происходит в случае с мегамоллом: попадая в него, человек становится его частью, разделяя неписанные правила и конвенции и легко опознавая себя в других), и вытесняющими (Бауман приводит в пример парижский La Defense — «пространство, единственное предназначение которого состоит в том, чтобы мы прошли сквозь него и покинули его как можно скорее» [там же, с. 111]).

«12 секторов; 3 500 000 м² офисных площадей; 1 500 компаний (из них 14 из 20 крупнейших французских предприятий и 15 из 50 всемирных

компаний); 150 000 служащих; 20 000 человек проживают в Дефансе; 210 000 м² заняты под магазины/торговые центры; 2 600 гостиничных номеров; 310 000 м² выложены монолитными плитами; 11 га зеленых насаждений; 90 000 м² дорог, из них 60 000 м² крытых; 60 скульптур и памятников современного искусства»⁷.

Еще одна разновидность безжизненного, но не безлюдного пространства — «не-места». Конструкция, которую ввел в оборот французский антрополог и социальный исследователь Марк Оже [18], применяется для описания пространств, в которых находятся люди, социальное взаимодействие между которыми сведено к минимуму технических ритуализированных действий.

«Какими бы ни были их различия, они вынуждены следовать одним и тем же паттернам поведенческих намеков: сигналы, вызывающие неизменный паттерн поведения, должны быть понятны всем «путникам» независимо от языков, которые они предпочитают или привыкли использовать в своих повседневных делах. Независимо от того, что должно быть сделано и делается в «не-местах», каждый там должен чувствовать себя как дома, хотя никто не должен вести себя как дома. «Не-место» — это «пространство, лишенное символических выражений идентичности, отношений и истории: примеры включают аэропорты, автострады, анонимные гостиничные номера, общественный транспорт... Никогда прежде в мировой истории «не-места» не занимали так много пространства» [17, с. 112].

Излюбленный пример социальных исследователей, когда им необходимо показать ядерное «не-место», — аэровокзал. Табло, указатели, стойки, рамки, эскалаторы, объявления: пространство организовано так, чтобы человек максимально эффективно действовал в быстро сменяющихся друг друга функциях — досмотр, регистрация, ожидание, посадка. Каждая операция отделена друг от друга во времени и пространстве, ни одна из них не требует плотной человеческой коммуникации. Даже зоны ожидания ничего, кроме интенсивного потребления, не предлагают и не предполагают. Но при этом малейшее отклонение от типичного поведения при совершении той или иной операции сразу фиксируется множеством глаз и камер и вызывает быструю реакцию нейтрализации/нормализации.

⁷ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D1%84%D0%B0%D0%BD%D1%81>.

Несмотря на видимые различия между описанными З. Бауманом пространствами, их объединяет одно — они специально создаются как пространства безопасности. Отчужденность и механистичность человеческого поведения внутри них — это естественная плата за искусственную безопасность в искусственных пространствах.

Две стратегии средового проектирования для создания безопасных пространств («прорастание» неформального контроля в публичные пространства и искусственное создание зон безопасности с усилением внешнего контроля) не исключают друг друга. Они сосуществуют, причудливо переплетаясь в повседневных практиках.

Несмотря на различия в архитектурных приемах, их объединяют общий принцип *видимости* и единая концептуальная рамка.

И первое, и второе решение в конечном итоге обеспечивают видимость происходящего: в первом случае за счет повышенного внимания тех, кто идентифицирует себя как часть местной общины, а территорию — как общинную/свою; во втором — за счет специально обученных лиц и специальных средств наблюдения.

Руководство ООН по основным направлениям предупреждения преступности от 7 сентября 1990 г. подробно описывает сферу применения и возможные эффекты формального и неформального наблюдения. Формальное наблюдение относится к деятельности тех, чья единственная и основная функция — удерживать потенциальных преступников от совершения преступления путем обеспечения постоянной угрозы разоблачения (п. 2.23 Руководства).

Полицейские и частные охранники — те, кто осуществляет формальное наблюдение. Их количество в последние 20 лет постоянно возрастает: в одних странах — количество полицейских, в других — частных охранников или и тех, и других. Усиление формального контроля обеспечивается также широким использованием технических средств. Но при этом формальная видимость — это не только бесконечное количественное увеличение агентов наблюдения, но и выбор для точки наблюдения наиболее удобного места, что напрямую связано с организацией пространства и освещенностью.

Руководство в качестве эффективной (по отношению к определенным видам преступлений — *против собственности, уличные преступления, нападения и различные типы молодежных правонарушений, правонарушения, связанные с употреблением наркотиков*

и спиртных напитков) меры предупреждения рекомендует также активно применять неформальное наблюдение «*представителями общественных органов, служащими компаний и обычными гражданами как часть их работы*» (п. 2.25 Руководства). Прозрачные стены полицейского участка, офисы в формате open-space, водители такси/автобусов, отделенные стеклянной перегородкой, — это дизайнерские решения, обеспечивающие видимость, эффективность неформального наблюдения.

Самым любопытным с точки зрения влияния среды на предупреждение преступности является концепт естественного наблюдения, также отраженный в Руководстве.

Естественное наблюдение представляет собой сдерживающий эффект, предоставленный самой природой. Некоторые места характеризуются тем, что они естественно хорошо просматриваются, в то время как другие, например плохо освещенные улицы, подземные переходы, затемненные аллеи, не могут просматриваться. Преступления с меньшей вероятностью случаются там, где потенциальные преступники считают, что их хорошо видно, а лучший обзор местности может быть обеспечен благодаря устройству окружающей среды различными средствами — проектированием, размещением зданий и выходов из них, площадок вокруг них (п. 2.36 Руководства). Но работает не пространство само по себе — указывается далее в Руководстве: «*Эффективность наблюдения за окружающей средой в предупреждении преступлений обусловлена готовностью (или осознаваемой готовностью) людей вмешаться в течение событий в случае, если они окажутся свидетелями подозрительного случая*» (п. 2.40). Принцип Ньюмена о защищенном пространстве как о пространстве, целевым образом адресованном определенным социальным группам в качестве места для жизни, реализуется в Руководстве через идею общинного предупреждения преступлений: «*...оказание влияния на поведение местных жителей и потенциальных правонарушителей с целью обратить вспять процесс отчужденности проживающих в соседстве людей и повысить способность общества осуществлять более строгий контроль за окружением и за жизнью соседей*» (п. 3.1 Руководства).

Руководство, говоря о наблюдении, предлагает нам сложную смесь из людей, их привычных действий, общин, домов, света и освеще-

ния, архитектурных и дизайнерских решений, технических средств наблюдения и хранения информации. Для описания этой сложности наиболее удачным представляется предложенный К. Хаггерти и Р. Эриксоном концепт «ассамбляж наблюдения» [19]. Отсылающая к Делезу и Гваттари [20] метафора ассамбляжа, начиная с нулевых годов нашего века, активно используется в качестве аналитической модели в различных междисциплинарных полях. При всех оттенках в понимании и применении теория ассамбляжа позволяет обращаться с социальным особым образом: монтируя его из сложных (не)устойчивых образований, в которых наравне с людьми участвуют вещи, пространство, звуки и технологии, причудливым образом связывая микро- и макроуровень социальной реальности⁸.

Для Хаггерти и Эриксона «ассамбляж наблюдения» — нечто, позволяющее соединить разнородные потоки информации, базы данных, информационные системы, технологии передачи и кодирования информации. По сути дела, при сборке своего ассамбляжа они сосредоточились на описании разного рода агентов, технических средств и информационных банков в сфере формального контроля. Их модель вполне применима и для анализа защищенного и (или) защищаемого пространства, которое также представляет собой один из множества возможных вариантов ассамбляжа, складывающийся из неформальных практик общинного/соседского надзора, политик городского планирования, ландшафтных и архитектурных решений и технологий, камер видеонаблюдения, центров анализа и обработки информации и т.д.

По отношению к сложившемуся/складывающемуся ассамбляжу (потенциальный) делинквент оказывается инородным элементом; а по отношению к нему система наблюдения выступает внешней рамкой, определенным образом формирующей его поведение. Предполагается, что разумный человек (он же рациональный субъект) при высоких рисках быть задержанным и (или) опознанным в большинстве случаев будет воздерживаться от совершения «обычных» преступлений.

⁸ Surveillance — слово, которое присутствует в англоязычном названии книги Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать» [21]. Подобная отсылка позволила А. Гуриной перевести на русский «surveillant assemblage» как «надзорный коллаж» [22, с. 92], что определяет те тюремные коннотации, которые этот вариант перевода за собой влечет. «Наблюдение» — метафора относительно нейтральная и поэтому предпочтительнее в употреблении.

По крайней мере, именно эти идеи в течение последних 20–30 лет активно развиваются и поддерживаются в криминологии повседневной жизни [2, р. 127–141] — влиятельном в англоязычной криминологии направлении, объединяющем несколько различных теорий (рутинной активности [23], ситуационного предупреждения [24], рационального выбора [25], образа жизни [26]).

Исследовательские установки этих теорий нарочито незатейливы — с озвученным отказом от попытки создать «большую теорию» и осознанной работой на практический результат. Маркус Фелсон определяет набор установок, которыми должен руководствоваться криминолог/социолог, проводящий исследования в этом поле:

– Не стоит беспокоиться по поводу академических теорий. Просто выходите и собирайте факты о преступлении в его естественной среде (путем наблюдения, интервьюирования правонарушителей и т.д.).

– Нужно сосредоточиться на очень узких, специфических срезах преступности, таких как вандализм в телефонных будках или футбольное хулиганство. Даже «вандализм» в целом — это слишком широко!

– Не пытайтесь улучшить человеческую природу. Все равно у вас это не получится.

– Старайтесь предупреждать преступления практическим, естественным и простым способом с наименьшими социальными и экономическими издержками.

– Проводите мелкомасштабные эксперименты, будучи предельно внимательными к естественной обстановке, в которой изучается каждая часть действий по предупреждению преступлений.

– Используйте очень простые статистические данные и диаграммы, что позволит вам ясно видеть каждое изменение [там же, р. 179].

Эти установки оказались чрезвычайно продуктивными. Была проведена масса исследований — от исследования преступлений на автобусных остановках до предупреждения вооруженного насилия на рабочем месте — вместе с урбанистами и архитекторами, и что важно, как правило, на правительственные деньги⁹. Именно эти идеи оказались в центре новой

⁹ Перечень разработанных руководств по предупреждению отдельных видов преступлений на сайте Центра проблемно-ориентированной полиции. URL: <http://www.popcenter.org/tools>.

политики противодействия преступности, проводимой в Британии и США с 80-х гг. прошлого века, и активно внедряются в России с конца 90-х — начала нулевых.

Что важно, экспорт технологий и практик ситуационного предупреждения преступлений в Россию практически не сопровождается переводом и адаптацией аналитического аппарата. Вместе с архитектурными решениями, дизайном автомобилей и системой городского освещения (как в Европе или США) мы получили «упакованные» в них элементы предупреждения преступлений. В этой ситуации мы остаемся пассивными потребителями технологий обеспечения безопасности, разрабатываемых другими людьми в другое время и в других условиях.

Задача данной работы состоит в том, чтобы собрать и представить для российской криминологии концептуальную рамку одного из направлений ситуационного предупреждения престу-

плений — средового проектирования в широком политическом и исследовательском (эффекты от применения технологий предупреждения преступлений изучались на локальных объектах, после чего опыт масштабировался) контексте. Следующий шаг в этом направлении — проведение эмпирических исследований на российском материале. До момента их завершения практически невозможно фундированно ответить на вопросы о том, каким образом работают (и работают ли вообще) меры предупреждения преступлений путем средового проектирования в современных российских условиях, какая из стратегий изменения среды (создание защищенного или защищающего пространства) дешевле и эффективней и что происходит с людьми, различными способами (любопытными взглядами или бесстрастными видеокамерами) вытесняемыми из измененных до неузнаваемости пространств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социология преступности (современные буржуазные теории) : сб. ст. / пер. с англ. А.С. Никифорова, А.М. Яковлева ; под ред. Б.С. Никифорова. — М. : Прогресс, 1966. — 368 с.
2. Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society / D. Garland. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2001. — 307 p.
3. Гуринская А.Л. Развитие теории рационального выбора в зарубежной криминологии и ее влияние на уголовную политику / А.Л. Гуринская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2010. — № 120. — С. 203–215.
4. Гуринская А.Л. Неолиберальная уголовная политика: безопасность, приватизация и роль государства / А.Л. Гуринская // Теории и проблемы политических исследований. — 2014. — № 1–2. — С. 13–39.
5. Newman O. Creating Defensible Space / O. Newman. — Philadelphia : DIANE Publishing, 1996. — 123 p.
6. Newman O. Design guidelines for creating defensible space / O. Newman. — Washington, D.C. : National Institute of Law Enforcement and Criminal Justice, 1976. — 356 p.
7. Кияненко К. Архитектура и безопасность: «защищающее пространство» Оскара Ньюмена / К. Кияненко // Архитектурный вестник. — 2011. — № 5. — С. 87–92.
8. Newman O. Defensible space: crime prevention through urban design / O. Newman. — New York : Collier Books, 1972. — 296 p.
9. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов / Дж. Джекобс. — М. : Новое изд-во, 2011. — 460 с.
10. Бергер П. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / П. Бергер. — М. : Аспект Пресс, 1996. — 168 с.
11. Фадеева М. Швейцарские зидлунги: выжившая утопия [Электронный ресурс] / М. Фадеева. — Режим доступа: http://www.colta.ru/articles/swiss_made/11151.
12. Крашенинников А.В. Жилые кварталы. Реконструкция и модернизация зданий и комплексов / А.В. Крашенинников ; под ред. А.Н. Белкина. — М. : Высш. шк., 1988. — 86 с.
13. Крашенинников А.В. Социально-пространственная структура пешеходного пространства [Электронный ресурс] / А.В. Крашенинников // Architecture and Modern Information Technologies. — 2012. — Режим доступа: <http://marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/krashennnikov/abstract.php>.
14. Крашенинников А.В. Микропространства городской среды [Электронный ресурс] / А.В. Крашенинников // Architecture and Modern Information Technologies. — 2014. — Режим доступа: <http://www.marhi.ru/AMIT/2014/4kvart14/krash/abstract.php>.
15. Крашенинников А.В. Мезо-пространства городской среды [Электронный ресурс] / А.В. Крашенинников // Architecture and Modern Information Technologies. — 2015. — Режим доступа: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/4kvart15/krash/krash.pdf>.
16. Hayward K. The 'chav' phenomenon: Consumption, media and the construction of a new underclass / K. Hayward, M. Yar // Crime Media Culture. — 2006. — № 2. — P. 9–28.
17. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман. — СПб. : Питер, 2008. — 240 с.
18. Augé M. Non-Places: An Introduction to Anthropology of Supermodernity / Marc Augé. — New York : Verso, 1992. — 130 p.
19. Haggerty K. The surveillant assemblage / K. Haggerty, R. Ericson // British Journal of Sociology. — 2000. — № 4. — P. 605–622.

20. Делез Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. — М. : Астрель, 2010. — 895 с.
21. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — М. : Ad Marginem, 2016. — 416 с.
22. Гуринская А. Надзор как средство обеспечения безопасности: от пространства тюрьмы до киберпространства / А. Гуринская // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2014. — № 2. — С. 86–93.
23. Felson M. Routine Activities and Crime Prevention in the Developing Metropolis / M. Felson // *Criminology*. — 1987. — Vol. 25, iss. 4. — P. 911–932.
24. Clarke R.V. *Situational Crime Prevention: Successful Case Studies* / R.V. Clarke. — New York : Harrow & Heston, 1992. — 357 p.
25. Cornish D. *The Reasoning Criminal: Rational Choice Perspectives on Offending* / D. Cornish, R. Clarke. — New Brunswick : Transaction Publ., 1986. — 246 p.
26. Felson M. *Crime and Everyday Life: Insights and Implications for Society* / M. Felson. — Thousand Oaks, CA : Pine Forge Press. — 264 p.

REFERENCES

1. Wolfgang Martin E., Savitz Leonard, Johnston Norman (eds). *The Sociology of crime and delinquency*. 2nd ed. New York, John Wiley and Sons, Inc., 1962. (Russ. ed.: Nikiforov B.S. (ed.). *Sotsiologiya prestupnosti (sovremennye burzhuaznye teorii)*. Moscow, Progress Publ., 1966. 368 p.).
2. Garland D. *The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society*. Oxford University Press, 2001. 307 p.
3. Gurinskaya A.L. Development of the rational choice theory in foreign criminology and its impact on crime control policy. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2010, no. 120, pp. 203–215. (In Russian).
4. Gurinskaya A.L. Neoliberal Crime Control Policy: Security, Privatization, and the Role of the State. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy = Theories and Problems of Political Studies*, 2014, no. 1–2, pp. 13–39. (In Russian).
5. Newman O. *Creating Defensible Space*. Philadelphia, DIANE Publishing, 1996. 123 p.
6. Newman O. *Design guidelines for creating defensible space*. Washington, D.C., National Institute of Law Enforcement and Criminal Justice, 1976. 356 p.
7. Kiyanenko K. Architecture and safety: «defensible space» of Oscar Newman. *Arkhitekturnyi vestnik = Architecture Bulletin*, 2011, no. 5, pp. 87–92. (In Russian).
8. Newman O. *Defensible space: crime prevention through urban design*. New York, Collier Books, 1972. 296 p.
9. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York, Vintage Books, 1961. 459 p. (Russ. ed.: Jacobs J. *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011. 460 p.).
10. Berger P.L. *Invitation to sociology: a humanistic perspective*. New York, Anchor Books, 1963. 191 p. (Russ. ed.: Berger P. *Priglasenie v sotsiologiyu: Gumanisticheskaya perspektiva*. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 168 p.).
11. Fadeeva M. *Shveitsarskie zidlungi: vyzhivshaya utopiya* [Swiss Siedlungs: an Utopia that Survived]. Available at: http://www.colta.ru/articles/swiss_made/11151. (In Russian).
12. Krashennnikov A.V.; Belkin A.N. (ed.). *Zhilye kvartaly. Rekonstruktsiya i modernizatsiya zdaniy i kompleksov* [Apartment Blocks. Reconstruction and Modernization of Buildings and Complexes]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1988. 86 p.
13. Krashennnikov A.V. Social and spatial structure of the pedestrian space. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2012. Available at: <http://marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/krashennnikov/abstract.php>. (In Russian).
14. Krashennnikov A.V. Micro-spaces of the urban environment. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2014. Available at: <http://www.marhi.ru/AMIT/2014/4kvart14/krash/abstract.php>. (In Russian).
15. Krashennnikov A.V. Mezo-spaces of the urban environment. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2015. Available at: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/4kvart15/krash/krash.pdf>. (In Russian).
16. Hayward K., Yar M. The 'chav' phenomenon: Consumption, media and the construction of a new underclass. *Crime Media Culture*, 2006, no. 2, pp. 9–28.
17. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost' [Liquid Modernity]*. Saint Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p.
18. Augé Marc. *Non-Places: An Introduction to Anthropology of Supermodernity*. New York, Verso, 1992. 130 p.
19. Haggerty K., Ericson R. The surveillant assemblage. *British Journal of Sociology*, 2000, no. 4, pp. 605–622.
20. Deleuze Gilles, Guattari Félix. *Mille plateaux: Capitalisme et schizophrénie*. Paris, Minuit, 1980. 645 p. (Russ. ed.: Deleuze G., Guattari F. *Tsytyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya*. Moscow, Astrel' Publ., 2010. 895 p.).
21. Foucault Michel. *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris, Gallimard, 1975. 318 p. (Russ. ed.: Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my*. Moscow, Ad Marginem, 2016. 416 p.).
22. Gurinskaya A. Supervision as a method of ensuring security: from prison space to cyberspace. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2014, no. 2, pp. 86–93. (In Russian).
23. Felson M. Routine Activities and Crime Prevention in the Developing Metropolis. *Criminology*, 1987, vol. 25, iss. 4, pp. 911–932.
24. Clarke R.V. *Situational Crime Prevention: Successful Case Studies*. New York, Harrow & Heston, 1992. 357 p.
25. Cornish D., Clarke R. *The Reasoning Criminal: Rational Choice Perspectives on Offending*. New Brunswick, Transaction Publ., 1986. 246 p.
26. Felson M. *Crime and Everyday Life: Insights and Implications for Society*. Thousand Oaks, CA, Pine Forge Press. 264 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Разогреева Анна Михайловна — доцент кафедры уголовного права и процесса Южного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: a.razogreeva@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Razogreeva, Anna M. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Process, Southern Federal University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Rostov-on-Don, the Russian Federation; e-mail: a.razogreeva@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Разогреева А.М. Предупреждение преступлений при помощи средового проектирования: защищающее пространство и защищенное пространство / А.М. Разогреева // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 4. — С. 706–716. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).706-716.

FOR CITATION

Razogreeva A.M. Crime prevention through environmental design: defensible space and protected space. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 706–716. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).706-716. (In Russian).